ЕВРОПА 03.04.2025 | Кирстен Шёнефельд

«Мы меняем систему»

Сербское протестное движение требует радикальных изменений – и расширяет границы политики, а также репрессий

Интенсивность и продолжительность студенческих протестов в Сербии удивляет даже тех, кто узнал о них только 15 марта. В тот день более 300 тыс. человек собрались почтить память 15 человек, погибших при обвале навеса железнодорожного вокзала в Новом Саде. По словам многих обозревателей, этот протест был даже более масштабным, чем массовые протесты 2000 года, которые в конце концов привели к падению Слободана Милошевича. Движение уже прочно укоренилось в обществе: большинство преподавателей университетов поддерживают протесты, продолжаются забастовки во многих средних школах. Интенсивность протестов растет, но требования неизменны уже четыре месяца. Прежде всего это основательное расследование несчастного случая и, как следствие, выяснение, была ли в строительстве нового железнодорожного вокзала коррупционная составляющая.

Правительство в ответ на эти требования уже несколько месяцев утверждает, что оно выполнило свой долг и что все необходимые документы были обнародованы. Итак, вражда между сторонами непримиримая, конфронтация и поляризация не уменьшается, а растет. Становится все больше насильственных нападений на протестующих, недавно на одной из улиц города Ниш, что на юге Сербии, напали с ножом на госпожу декана философского факультета. Во время прошлого массового протеста в Белграде, похоже, применили так называемый LRAD – звуковую пушку. Кто это сделал, пока непонятно.

59 процентов населения поддерживают протесты, а полностью на стороне Вучича всего треть респондентов

Так что покоя в ближайшее время не будет, а если присмотреться, становится очевидно, что Сербия в глубоком политическом кризисе, к тому же двойном. Автократическая система, которую Александар Вучич и его Сербская прогрессивная партия выстроили за

прошедшие десять лет, зашаталась. Об этом свидетельствуют недавние опросы: 59 процентов населения поддерживают протесты, а полностью на стороне Вучича всего треть респондентов. Правительство реагирует на этот кризис усилением репрессий, прежде всего против гражданского общества. В то же время Вучич объявил об учреждении нового движения в противовес студенческим протестам. Поможет ли это ему? Сомнительно, ведь по стране распространяется ощущение освобождения. Студенты наконец говорят о том, о чем многие уже давно думают: они хотят Сербию без коррупции, страну, которая ценит демократию, достоинство и социальную справедливость.

Требование выяснить причины несчастного случая давно приобрело политический характер. «Мы меняем систему» – один из лозунгов, которые сейчас можно увидеть в Белграде. И он означает гораздо больше, чем просто смену правительства: например, отход от коалиции между Сербской прогрессивной партией и Социалистической партией Сербии к новому парламентскому большинству. Студенты не только требуют восстановления верховенства права, свободы СМИ и представительной демократии. Они хотят принципиально нового демократического сосуществования, новой политической системы. Поэтому протестное движение сознательно дистанцируется от существующих политсил, даже тех, которые считаются проевропейскими или прогрессивными.

Не только правящая Прогрессивная партия, но и другие партии Сербии для многих граждан утратили легитимность. Оппозиционные, проевропейские, молодые партии или те, где преобладают женщины – тоже. Это, конечно, следствие потрясения от трансформации, но также и правления Вучича. Постоянные медиакампании против оппозиционных игроков за десять лет ухудшили их репутацию. Многие теперь воспринимают партийную политику как просто борьбу за власть, в которой существуют исключительно должности, деньги и торги. Парламент давно перестал быть местом дебатов и компромиссов, став для многих чем-то вроде театральной сцены. Настолько глубок в Сербии второй кризис: кризис представительства.

В кризисе сама представительная система, что очевидно из недавних событий местного уровня. Граждане в Белграде, Нише, Новом Саде и многих малых городах регулярно пытаются бойкотировать заседания городских советов и сходятся на так называемые *Zborovi*. На этих собраниях публично обсуждают многолетние проблемы, такие как общественный транспорт, загрязнение окружающей среды или система образования. Политиков и общественных деятелей, даже оппозиционных, часто не хотят видеть. Слишком велико разочарование отсутствием реформ, слишком глубоко недоверие к авторитетам. Люди все больше стремятся к новым формам политической жизни. Прямая демократия – ключевое слово нынешнего времени, и некоторые оппозиционные партии уже это поняли.

Сербско-американский экономист Бранко Милянович недавно классифицировал эти события в глобальном контексте: упадок представительной системы во всем мире. По мнению Миловича, студенческое движение аполитично в классическом смысле, но обречено протестовать, ведь выполнение его требований означало бы самоликвидацию системы Вучича. Такой подход – путь к диктатуре или как минимум к усилению репрессий со стороны государства. Рост насилия на улицах и вероятное применение звуковой пушки во время протеста в Белграде 15 марта позволяет предположить, что Милянович прав.

Теперь есть 30 дней на формирование нового правительства. Если не получится, в первой половине июня должны быть выборы.

Что дальше? Возможны ли еще партийно-политические решения, или Сербия на распутье между дальнейшей автократизацией и прямой демократией? 19 марта парламент Сербии принял отставку премьер-министра, о которой он объявил еще в январе. Теперь есть 30 дней на то, чтобы сформировать новое правительство. Если не получится, в первой половине июня должны быть выборы. Это решение пока не принято, но уже очевидно, что оппозиция участвовать в них не будет. Политическая ситуация приближается к тупику. Недавно оппозиция представила свою концепцию «правительства национального доверия» – переходного правительства с мандатом примерно на девять месяцев. Две главные цели: выяснить все обстоятельства несчастного случая в Новом Саде и подготовить свободные и честные выборы.

> При этом надо искать общий язык как со студентами, так и с новыми органами прямой демократии – местным собранием (*Zborovi*). То есть идея переходного правительства предполагает консенсусный, основанный на диалоге выход и из авторитарного кризиса, и из кризиса представительства. Это было бы целесообразно в период глубокого разочарования.

Однако президент Вучич решительно отвергает модель переходного правительства. Возможно, его смущает опыт Северной Македонии, где такое переходное правительство в итоге привело к тому, что премьер-министр Груевский и партия ВМРО-ДПМНЕ потеряли власть. Пока трудно сказать, смогут ли правительство и оппозиция найти общий язык. Также неясно, как залатать трещину между протестным движением и оппозиционными партиями. Европейский союз пока ведет себя сдержанно. Поддержка сербского правительства со стороны Еврокомиссии несколько уменьшилась, но четких сигналов нет. При этом не похоже, что угас экономический интерес к крупным проектам, таким как добыча лития в долине реки Ядар или проведение в Белграде Expo-2027. Но эти проекты возможны только при условии стабилизации и демократизации страны. Именно поэтому желательно, чтобы ЕС взял на себя больше обязанностей: четко высказался против правительства и целенаправленно поддержал демократическое движение. Движение, в свою очередь, сможет обрести силу и влияние, если наладит взаимодействие между студентами, гражданами и политиками, а также преодолеет разногласия в прогрессивном лагере. Тогда, с позиции силы, можно будет вести переговоры с правительством о предпосылках для свободных и честных выборов и демократического переходного процесса.

По этой ссылке статья откроется без VPN

Кирстен Шёнефельд

Кирстен Шёнефельд (Kirsten Schönefeld) – глава регионального офиса Фонда им. Фридриха Эберта в Сербии и Черногории.